

БОЛЬШАЯ ПРОЗА
ДИНЫ РУБИНОЙ

Дина
Рубина

ЛЮБКА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Рубина, Дина.

Р82 Любка : роман / Дина Рубина. — Москва :
Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-04-204258-4

«Никуда мне уже не деться от половинчатости моей, от принадлежности к двум этим трудным странам. Мучительная привязанность, вечный раздрай, тайные мечты о покое благополучной Европы... и невозможность побега из собственной судьбы. Так и живу с этой обреченной любовью: Россия — судьба, и Израиль — судьба. Все остальное — места проживания!..»

Сборник рассказов Дины Рубиной. В нем трогательные и щемящие сердце истории, которым веришь. Они о добре и зле, о любви, дружбе, доверии, преданности и предательстве, о бесчеловечности и милосердии, о терпении, терпимости и прощении.

В рассказах сценки из жизни, происшествия, свидетелем которых становилась Дина Рубина. Из них получилась эта умная книга, написанная со свойственным писателю юмором и самоиронией. Вы не раз улыбнетесь в процессе чтения, углубитесь в водоворот событий, где стремление к доброму, высокому и прекрасному сильнее любых обстоятельств, и нет ничего важнее.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д. Рубина, текст, 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204258-4

СОБАКА

Он прощался всегда намеренно небрежно и не позволял ей провожать себя. Считал — не стоит привлекать внимания Судьбы к этим прощаниям, чтобы, чего доброго, той не пришло в голову поставить под одним из прощаний свой беспощадный росчерк.

Судьбы он боялся и никогда не строил планы дальше, чем на завтрашний день, — боялся, что Судьба обозлится на него за легкомысленную самоуверенность. Может, это было единственным, чего он боялся в жизни...

А в этот раз даже не смог забежать к Ирине перед поездкой — с матерью случился очередной сердечный приступ, и после вызова «Скорой» он просидел весь вечер дома — неловко было оставлять мать одну.

Ирина ждала его, конечно, волновалась, надо было позвонить, и он долго приготавливался к этому звонку — выкурил две сигареты, написал ответ на деловое письмо, которое валялось уже

6 месяц на холодильнике, посмотрел по телевизору мультик. И оттого, что звонить надо было непременно, и оттого, что он знал заранее ее слова и интонацию, с которой эти слова будут произнесены, в нем возникло и завибрировало раздражение, как частенько случалось в последний год, — зудящее раздражение на мать, на Ирину — на этих двух женщин, делающих жизнь его непереносимой.

Набирая номер и глядя исподлобья на экран телевизора, где копошилось на стволе диковинного растения какое-то диковинное сумчатое, он подумал: ее можно понять, она, конечно, устала...

— Ира! — бодренько начал он. — Тут такое дело, понимаешь. Я никак не смогу сегодня. У мамы приступ был, «Скорая» только уехала... Ну, ты сама понимаешь...

— Понимаю, — спокойно сказала Ирина. Но он-то знал подкладочку этого спокойствия. Да, подумал он, конечно, устала за эти годы. И я устал. Но что же делать, что же делать...

— Ну, до завтра обойдется, я надеюсь, — продолжал он. — А утром Андрей заедет за мной.

— Ага... — рассеянно, как ему показалось, ответила Ирина. И это его насторожило.

— ...За мамой здесь тетя Люба присмотрит. А я дней через пять — назад... Может, и раньше... Посмотрим, как там сложится.

— Ясненько, — ровно проговорила она, и он понял, что весь этот тон, разумеется, — протест.

— Ирина! — крикнул он. — Ну, что такое?!

— Езжай, ради бога, — сказала она сломавшимся, как перед плачем, голосом и повесила трубку.

Он схватил пачку сигарет и пошел на балкон — покурить.

Мать спросила вслед:

— Мадам в претензии?

— Оставь меня в покое! — огрызнулся он.

— Бедняжка! Никак не может дожидаться моей смерти! — Когда речь шла об Ирине, мать всегда переходила на патетический тон, у нее это хорошо получалось, она всю жизнь вела драмкружок во Дворце пионеров.

Он стоял, облокотившись на перила, и смотрел, как внизу, во дворе, Славик моет новые «Жигули». Он так любовно протирал тряпочкой помидорно-красную крышу машины, что хотелось, как в школьном детстве, стряхнуть на эту идеально лаковую гладь пепел от сигареты.

Мать, лежа на диване, продолжала что-то говорить. Он вздохнул, придавил окурок о перила и толкнул в комнату балконную дверь.

— ...и пересидит, переждет, конечно... И захапает тебя! — торжествующе закончила мать.

Монолог был неизменный, с незначительными вариациями.

— Лежи, пожалуйста, спокойно, — миролюбиво сказал он. — Тебе нельзя волноваться. — Но не выдержал, процедил сквозь зубы: — И не трогай Ирину, сколько можно просить тебя!

8 За Бричмуллой они свернули на узкую пыльную дорогу и долго еще петляли по ней, поднимаясь все выше. Андрей остановил «Ниву» на небольшой поляне.

— Ну вот, — сказал он. — Доползли... Как тебе здесь — глядится?

Внизу горбились горушки, окрашенные в охру, от темной до золотистой, с желтыми и зелеными пролысынами, над горами вздымались красно-то-бурые скалы. Над всем этим дыбилося жаркое пустое небо.

— Что, нормально... — сказал он и выбрался из машины.

Поляна, на которой они остановились, заросла травой и кустарником. Повсюду торчали огромные фиолетово-чернильные шапки чертополоха, узорчатые желтые шапочки бессмертника.

Он огляделся вокруг и, закрыв глаза, глубоко вдохнул воздух, напоенный хрупкими тянущимися запахами.

— Лимонник... шалфей... — узнавал он. — Что еще? Мята... душица...

Чуть поодаль сбились в хилую рощицу дикие яблони. Над рощицей в скалу уперлась огромная арча, выгнутая саксофоном.

— Смотри, саксофон, — кивнул он Андрею.

— Ага, я по нему ориентировался... — ответил тот, доставая из машины сложенную палатку и тугие бокастые рюкзаки. — У нас тут дневка была в прошлом году, когда без тебя ходили...

Андрей возился с палаткой, искал в машине запропастившиеся кольца, чертыхался, а он стоял и молча оглядывал такое огромное и все-таки тесное пространство, загроможденное скалами.

Со студенческих лет они сплавлялись на катамаранах по горным рекам, ходили с ребятами в походы по два-три раза в году — казалось бы, и привыкнуть можно, — но каждый раз он вновь тихо изумлялся этим громадам и задыхался, жадно глотая этот воздух.

— Виктор, поддержи! — позвал Андрей.

Он встрепенулся и пошел помогать другу ставить палатку.

Давно уже он признался себе, что завидует Андрею. Тому, как сдержанно и спокойно властвует Андрей в своей жизни. Тому, как преданно заглядывают в глаза ему Вера и мальчишки. Да и в деле своем — не с наскоку, а верно и основательно забирался Андрей все выше — недавно его назначили главным инженером крупного завода. А одногодки, между прочим, одногодки... Что там говорить! — Андрей был человеком удачи. И сильнее всего Виктор завидовал его семейной жизни. Как-то сумел Андрей вылепить себе половину, не сломав женщину, не повредив ее достоинство. Здесь даже не скажешь — повезло. Нет, сам сделал, сам — Верка была в институте безалаберной и дурашливой девчонкой. И не полезешь ведь в душу, не спросишь — что и как.

10 Взять нынешнюю вылазку: решили без женщин идти — Вера спокойно, молча сложила мужу рюкзак; если бы в последний момент Андрей велел ей собираться — собралась бы за десять минут так же спокойно и споро. Не было в их союзе междоусобиц из-за какого-то дурацкого самолюбия. Самолюбие растворялось в любви и безоговорочном доверии друг к другу.

А у Ирины ее самолюбие — бастион, не подступишься.

«Да... — подумал он, забивая камнем кол в мягкую землю. — Да, все дело в безоговорочном доверии... Как же они договорились об этом? С самого начала? Или вовсе ни о чем не договаривались?»

— Сильнее натягивай, — привычно командовал Андрей. Он умел погружаться целиком в дело. Худощавый, жилистый, со всклокоченной шевелюрой — сейчас он был поглощен устройством жилья.

Палатка была двухместная, отратно-желтенькая — хорошая палатка, польская, купили в складчину для таких вот вылазок вдвоем.

— Перекусим, да? — спросил Андрей, стягивая майку и энергично вытирая ею потные грудь и спину. — Посмотри, что там Верка в рюкзак натолкала.

— Ого, чего тут только нет! — удивился Виктор, доставая из рюкзака пакеты. — Это что? Курица? Яйца. Огурцы. Сало... Чего-то непонятное в бумаге.

— А, это ценная вещь, — заметил Андрей, взглянув в рюкзак через его плечо. — Пирог с капустой. Вершина творчества. Ты пошарь, там и грибочки в банке должны быть.

— Эх, черт, и куда я смотрел в институте! — воскликнул Виктор. Обычная шутовская реплика, дежурный застольный комплимент талантам Верки. Андрей на эту реплику неизменно промалчивал. Произошел с ними непонятный такой случай лет пять назад.

...Весной, набрав отгулы, решили вчетвером пройти по Чаткалу на катамаране. Андрей — командиром, как всегда. Дима и Сурен шли второй раз всего, а речка сердитая была, с характером. Порогов этих, водоворотов, камней! Да, гордая речка, горная, ее оседлать непросто.

Помнится, на второй день похода у него лопнул ремешок от шлема, но до сих пор не вспомнить — почему Андрей-то без шлема оказался. Спасательные жилеты были, верно, да только от них мало толку на этих горных речках. Течение бешеное — пошвыряет башкой о камни, и никакой жилет не спасет.

Андрея вышибло из катамарана неожиданно, стволом сухого дерева, низко наклоненного с берега над водой. Виктор сидел вторым, за Андреем, и когда того выбило в воду, вдруг увидел, что Андрей-то без шлема, и бросился за рыжей шевелюрой, крутящейся в водоворотах между камней. Прыгнул, не вспомнив о собственной незащи-

12 щенной голове. Андрей плавать не мог, вот в чем было дело. И по сей день не научился плавать, урбанист чертов.

Здорово побило их обоих, пошвыряло вдоволь, наглotalись; но Андрея — полуживого, он — полуживой, все-таки выволок.

Ребят — Диму и Сурена — отнесло дальше, они растерялись, неопытные.

Андрей просил Вере о приключении не говорить. Но уже в городе, когда ждали автобуса, Дима позвонил из автомата жене и случайно проболтался. Та, конечно, немедленно позвонила Верке: мол, встречай своих героев покалеченных...

Инвентарь — скатанные катамараны, палатки, весла — хранился всегда у Андрея в кладовке, после походов первым делом вваливались к нему, это уже традицией стало. Так что свидетелями сцены в прихожей были все.

Позвонили. Верка за эти полчаса, видно, успела наплакаться — открыла дверь зареванная, с набрякшими веками, и, когда увидела его перевязанную руку, вдруг завывла и бросилась, да не к мужу, а к Виктору — обняла за шею, прижалась, больно налегая на поврежденную руку. Он растерялся и даже испугался, когда поверх ее припавшей головы увидел незнакомое, какое-то гипсовое лицо Андрея.

— Вера, я — вот он, — хрипло, спокойно сказал Андрей...

Сурен выручил — засмеялся; воскликнул с кавказским акцентом:

— Правильно, женщина! В ноги кланяйся! — Сурен редко пускал в ход этот акцент, но всегда кстати. — Он тебе кормильца спас, отца твоих детей!..

...Месяца три после этого странного случая он не появлялся у Андрея, и тот не приглашал. Потом чей-то день рождения подкатил, нельзя было не встретиться — и сгладилось, выровнялось... Но изредка он вспоминал лицо Андрея, каким было оно в тот миг — бескровным, смертельно-спокойным, — и осторожная мысль пробежала: а может, Андрей не так уж и счастлив, как представляется?

... — Слушай, это какая-то дивная курица, — заметил он, обгладывая смуглое крылышко. — Это не курица, а райская птица.

— Да, Верка ее с майонезом делает, с орехами...

— «Сациви» называется, кацо...

— Нет, это по-другому, в духовке, кажется. А тебе не все равно? Ешь, — Андрей выломал куриную, перламутровую от майонеза, ногу и протянул ему. — Женись, тебе Ирина тоже приготовит.

— Даже самая дивная курица не стоит такой жертвы, — отшутился Виктор.

...Когда мылись, поливая друг другу воду из канистры, Андрей еще раз настойчиво спросил:

14 — Чего не женишься, бобыль?

— Отстань, — отмахнулся он, снимая с плеча Андрея полотенце. — Дай хоть здесь пожить споконно.

— Нет, правда?

— Я тебе сто раз говорил: не могу я мать оставить, она больной человек! — Он начал раздражаться. — А вместе они не уживутся.

— Сам виноват.

— Может быть... — он вздохнул. — И потом, Илюшка растет, возраст у него сейчас самый противный — четырнадцать... Он отца помнит хорошо... Знаешь, временами я такие его взгляды на себе ловлю...

— Еще бы не глядеть ему! Парень видит, как маме весело живет... Смотри, останешься когда-нибудь и без жены, и без матери.

— Значит, судьба такая, — усмехнулся он.

— Не судьба, а ты — дурак, — спокойно сказал Андрей, взял из рук его полотенце и пошел к палатке. Крикнул оттуда: — Я — пас! Лезу дрыхнуть.

...Солнце стояло еще высоко, трава звенела, тренькала, жужжала и зудела, и все это сливалось с теплым ветром в ровно дышащее молчание гор. И в густоте насыщенного звуками молчания раздавалось то далекое ржание пасушегося коня, то лай чабанской собаки.

Он накинул рубашку и сказал:

— Андрей, я прогуляюсь...

Тот не ответил, наверное, уснул. Он подумал, что Андрей и вправду устал сегодня — все-таки за рулем, по горной дороге.

Через рожицу диких яблонь он вышел к подножию большого холма, на волнистом гребне которого паслись тонконогие кони, медально отпечатываясь на фоне акварельно промытого неба.

Он стал неторопливо взбираться, стараясь ничего не пропустить по пути — ни корявого деревца миндаля, ни ящерики, мелькнувшей по камню; вдохнуть в себя прогретую солнцем пахучую благодать воздуха и не думать ни о чем — отбросить на эти пять дней тягостный бред своей городской жизни.

Навстречу ему на шоколадной лоснящейся кобыле спускался человек с ружьем за спиной. Подъехав, остановился и вежливо поздоровался. Это был мужичок-замухрышка, в телогрейке, в кирзовых сапогах.

Виктор угостил мужичка сигаретой, тот обрадовался, слез с лошади и охотно разговорился.

— Егер я, — охотно пояснил мужичок. У него было живое простоватое лицо монголоидного типа. — Туда-сюда еду, смотрю. На кабан запрещение ест... Я — егер, такой должныст строгий, смотреть нада...

Виктор объяснил егерю, что приехал вдвоем с приятелем, — во-он их палатка, желтая, ружей у них нет, стрелять не собираются ни кабанов, ни

16 куропаток. Отдохнут дней пять и поедут... Места здесь красивые.

Егерь оживился и подтвердил, что места и вправду красивые, показал, как идти до водопада, — красавец водопад, метров двадцать высотой... Сказал — недалеко, километров пять до перевала, — знаменитая березовая роща, та самая, что еще при русском царе посадили. Каждый саженец в золотой обошелся.

Его шоколадная красавица гнула холеную шею, нехотя брала мягкими губами стебельки травы и, вскинув голову, косила каштановым зрачком.

— Там что — чабаны? — спросил Виктор егеря, кивнув на гребень холма.

— Чабаны, да, — заулыбался егерь. — Приятел бери, в гости ходи... Баран резать будем, шурпа, плов варить будем.

— Ну, спасибо, придем... — и он не удержался, похлопал кобылу по теплой шее, ощутив под ладонью упругую мощь лошадиного тела.

Егерь попросил еще сигарету, впрок, и вскочил на лошадь.

— Осторожно ходи, — посоветовал он. — Сыпун много, сель бывает... Вон там, — он показал в сторону, где перекрещивались покатые гребни холмов, — там десят человек от сель погиб.

— Когда? — быстро спросил Виктор, почувствовав, как неприятно ткнулось и заняло что-то в сердце. — В семьдесят четвертом? Разве здесь?

— Издес, — подтвердил егерь спокойно, — все спартсмен был, карта маршрута был, все был... — он вздохнул и тронул пятками лоснящиеся бока кобылы: — Хоп, отдыхай...

Виктор смотрел на круп удаляющейся лошади, на ватную спину егеря и пытался совладать с непонятным смятением.

Это была группа Позднышева, десять человек, и среди них — муж Ирины, Костя Мальцев... Да, Костя Мальцев, хороший парень... Как же он временами ненавидел его, мертвого, как ревновал Ирину — к имени, к памяти, к прошлым объятиям, — к мертвому ревновал.

Может быть, слишком явственно понимал в иные минуты, что она постоянно сравнивает их, сталкивает — мертвого и живого, и едва ли живой желанней ей и дороже...

Зачем же он оказался здесь, сейчас, что за беспощадная рука привела его сюда и развернула лицом к этим пустынным холмам — вот оно, место Костиной гибели. А теперь отдыхай — то есть мучительно и тщетно старайся выкинуть из головы хоть на пять дней ссоры с Ириной, Костиного сына, так похожего на отца, тяжелый характер матери, бесконечные визиты на дом врачей, однообразные телефонные разговоры — что еще?

— Переста-ань, — простонал он негромко, не понимая сам, к кому обращается: к себе ли, к Ирине, к мертвому Косте или к тому тайному мытарю, что ведает обрывистыми тропками его

18 судьбы, держит карту его маршрута. — Ну что ты, что ты? Почему?... Не надо, не мучай, не мучай!

...Он повернул в противоположную сторону и долго, изматывая себя, взбирался меж камней и кустов на крутой каменистый холм и, когда взобрался наконец на гребень, почувствовал, что обессилел.

Он повалился в траву — грудью, щекой, — в этот пронизывающий запах сырой земли и нескончаемой жизни, и долго лежал так, бессмысленно изучая торчащий перед глазами кустик молодого лимонника, еще какую-то тонкую травку с фиолетовой робкой крапинкой цветка.

Он перевернулся на спину, раскинул руки, принимая на грудь это любимое, непостижимое небо, и молча заплакал... Такое с ним бывало... В одиночестве, в горах или на море, он иногда плакал от сладкой ностальгической тоски по уходящей жизни. Всегда, с самого детства, очень остро он чувствовал мимолетность своей жизни и трепетно относился к прошлому, часто перебирал в памяти, перетряхивал — берег его, как бережет хозяйка и прячет дорогие вещи в шкафу.

Он вспомнил прошлогоднюю поездку в горы, весной, с Ириной и Илюшкой, ее синюю панамку — смешную, с огромной, как у клоуна, пуговицей на макушке. Илья ушел в поселок за пивом, а они валялись в палатке, решали кроссворд и долго не могли отгадать слово «эротика», когда же наконец отгадали, то взглянули друг на друга

и расхохотались, он выкатил глаза, сделал алчное лицо и повалился на нее, она же, изнемогая от смеха, отбивалась и вскрикивала: «Виктор, пусти, перестань, ну! Сейчас ребенок вернется...» А через полчаса поссорились, яростно, из-за какой-то чепухи; видели, как по склону с тяжелой авоськой поднимается Илюшка, улыбается, победно машет им бутылкой пива, и — не могли остановиться. Впрочем, Илья не раз уже бывал свидетелем остервенелых ссор, ему не привыкать...

В последние месяцы раздражение стало прочным и, как ему казалось, чуть ли не единственным оттенком отношения к Ирине. Иногда он даже спрашивал себя: «И это любовь?»

Тогда он представлял, что она умерла. Ирина. Приходят и говорят: она умерла. ...Нет, не так. Звонят. Чужой спокойный голос в трубке. Говорят: она умерла. И по тому, как хватал его паралич ужаса в эти минуты, он понимал, что обреченно любит ее...

Последний раз он видел ее неделю назад. Утром выписал на работе городскую командировку, быстро уложился с делами и к обеду уже звонил в родную дверь, обитую коричневым дерматином. Ирина, видно, выскочила из ванной — была в махровом халате, с круглой, как у ребенка, намыленной головой.

— Привет! — обрадовалась она. — Молодец, что пришел. Покрась меня, а то я не вижу сзади... — и убежала в ванную.

20 Он открыл холодильник, отрезал кусок сыру и так жевал, стоя у окна в кухне. Ирина вышла из ванной с полотенцем на голове.

— Не хватай сухомятку, пожалуйста! — Она всегда сердилась, когда он ел стоя, на бегу, как придется. — Покрасишь меня, и сядем обедать. У меня рассольник и голубцы.

— Голубец ты мой, — он глядел в окно и рассеянно жевал.

— Понимаешь, сегодня Аскарянц устраивает банкет после защиты. Не могу же я пугалом идти! Меня Илюшка всегда красит, а тут я забыла с ним договориться, и он на тренировку побежал.

— Кто оппонент у Аскарянца?

— Москвич какой-то. Интересный, в очках, с шевелюрой эдакой. Я фамилию забыла... Вот, смотри, — она уселась перед зеркалом, выдавила в чашку из толстого тюбика вишнево-бурую змейку, размешала, — вот тебе щетка. Окунай и тщательно крась каждую прядь. Особенно у корней прокрашивай. Ясно?

— Ясно, гражданка клиентка, — он встал за ее спиной, взял старую зубную щетку с растрепанной щетиной, тоже вишнево-бурой, окунул ее в раствор и приподнял прядь волос на затылке Ирины.

Почти вся прядь была седой. И это почему-то испугало его. Он привык, что Ирина молодо выглядит, он вообще привык к ней и давно уже не всматривался в ее лицо, волосы, фигуру, как не